

История маленькой девочки в видео и фотографиях

Александра Левина

Шведка Анне Олофссон работает в технике фотографии, видео и инсталляции. Анне из поколения скандинавских художниц, смело заявивших о себе в 90-х, сделавших женский вопрос популярной темой в современном искусстве и доведших исповедь художника-женщины до ранее невозможных откровений. Куратор Джон Петер Нильссон пишет про Олофссон: «Ее работы все больше и больше сосредотачивались на отношении между ней и... ею же самой. Нарциссизм? И да, и нет. Анне обладает уникальным талантом — говорить о себе, но не делать

себя центром разговора. Это может казаться парадоксом. Она хочет внимания, но получает его, не обижая людей вокруг».

Ее работы — рассказ о ее взрослении и страхах — пришлись по душе международным кураторам и галеристам. Уже во время учебы на первых курсах школы искусств Олофссон участвовала в крупных европейских выставках и нашла коллекционеров как в Старом, так и в Новом Свете. Перебравшись на несколько лет в Нью-Йорк, она с легкостью наладила отношения с американским миром искусства. Сейчас Анне Олофссон вернулась в Швецию. В Стокгольме ее работы представляет галерея «Mia Sundberg» (www.miasundberggalleri.se).

☞ Как началась ваша карьера?

АО: Я училась в Арт-академии в Осло, изучала там скульптуру...

☞ Почему вы потом обратили внимание на видео и фотографию?

АО: На самом деле нельзя сказать, что я оставила одно и занялась другим. Я поступала на отделение скульптуры, но потом, почти сразу, начала работать с инсталляциями и видео. А для своего дипломного проекта я сделала огромную фотографию. По правде говоря, я никогда не занималась скульптурой в действительности. Но учеба на этом отделении не прошла зря. Вы можете видеть, что мои работы созданы со знанием скульптурной композиции — в них ощущается объемность даже плоского образа. Мои фотографии и видео обладают этим свойством скульптуры. Так что это был хороший опыт.

☞ Сейчас художники часто работают не в одиночестве, а нанимают ассистентов. Вы все делаете сами?

АО: Я редко снимаю сама, большинство моих работ — автопортреты. Я нанимаю профессионалов, с которыми обсуждаю идею и которые помогают мне. Разумеется, я делаю всю подготовительную работу, устанавливаю свет, но именно фотограф-ассистент нажимает кнопку. В принципе, на его месте могла бы быть машина.

☞ Почему вы учились в Осло, а не на родине, в Швеции?

АО: Я подавала заявления в разные учебные заведения Скандинавии. Школа в Осло обладала академическим статусом, поэтому я смогла получить финансовую поддержку, чтобы в ней учиться. Далеко не все арт-институты Швеции обладают таким статусом. Там я проучилась два года, а на третий уехала в Нью-Йорк. В Америке я не училась, а работа-

ла, занималась искусством и очень рано начала выставляться в музеях. Из-за этого у меня были проблемы с преподавателями в Осло — им не нравилось, что я участвую в серьезных показах. Я была в ярости и решила просто поехать в Нью-Йорк и заняться делом.

☞ Легко ли было попасть в арт-среду Нью-Йорка?

АО: Для поездки я претендовала на стипендию IASPIS в Швеции.

Ее получает лишь один шведский художник в год, и сделать это очень сложно. Но если ты ее выиграл — катаешься как сыр в масле: студия, квартира, деньги. С тобой общаются кураторы, известные художники. К моменту ее получения я уже работала с галереей в Нью-Йорке, поэтому мне не нужен был выставочный зал. К тому же шведская галерея Mia Sundberg представила мои произведения на арт-ярмарке в Базеле, на выставке молодых художников LISTE. У меня появилось много связей с американскими коллекционерами и галереями в Европе.

☞ А потом вы вернулись в Швецию?

АО: После того как стипендия была исчерпана, я осталась в Нью-Йорке и прожила там еще три года. Я путешествовала, организовывала выставки то там, то здесь. А потом решила вернуться.

☞ Почему?

АО: Нью-Йорк — фантастический город, но там огромная конкуренция, и люди постоянно находятся в стрессовом состоянии. Первые три года он давал мне энергию, но в последний год начал ее забирать. Этот город выжимает все соки. Невозможно даже просто фокусироваться и размышлять, потому что все происходит сразу и в большом количестве. К тому же, мне кажется, в Европе арт-мир гораздо интереснее. В Америке — более поверхностный взгляд на искусство.

☞ Что вы думаете об арт-образовании в Европе и Америке?

АО: В Америке оно более многослойное, там много разных предметов, которые приходится обязательно изучать. Образование в Скандинавии более свободное — оно дает четыре-пять лет для собственных экспериментов. Конечно, есть теоретические классы и другие занятия, но их посещение не столь обязательно, как в Америке.

☞ И что лучше?

АО: Поскольку я много преподавала, то могу судить об образовании изнутри. В скандинавской модели есть и хорошее, и плохое. В условиях полной свободы не все студенты могут преуспеть. В основном те, кто хорошо организован. Многие не способны к самоконтролю. Однако те, кто не смог разобраться в себе во время учебы, вынуждены будут сделать это позже, потому что рано или поздно приходится отвечать за себя. Помню, я вела в Мальме двухнедельный курс. Некоторые студенты вообще ничего не хотели, у них не было ориентиров, они не знали, что произойдет потом, когда они выйдут из школы. У них было слишком много свободы. Но обычно через год они понимают, что через три года их учеба закончится, и начинают что-то делать, думать, строить себя. Это тяжело, потому что ты сам себе работодатель. Приходится работать самостоятельно.

☞ Опишите, пожалуйста, свою дипломную работу.

АО: Это была фотография, черно-белая афиша с моим изображением — сидя на стуле я пью виски и курю сигарету — и с надписью «Я хочу быть...». Эту сторону видели зрители. А на другой стороне, невидимой, уже не было меня, но все остальное было почти таким же, только виски выпито, сигарета выкурена. И подпись «...вечно молодой». Это было что-то вроде заявления об уходе. Я была счастлива, что закончила учебу. Я чувствовала себя чужой в школе, мне казалось, что это не лучшее место для меня.

☞ Как сложились ваши первые профессиональные связи?

АО: С первой из них мне помогла одна из моих учительниц, которой нравились мои работы. Она встречалась со знакомым галеристом из Германии по поводу собственных произведений. После того как они уладили свои дела, у него оказалось два свободных дня. Она попросила меня показать ему Осло, а я показала ему свои работы. Он сказал: «Это интересно». И сразу взял их на выставку. Я была тогда на втором курсе.

дильника, затем появляются черные подтеки чернил, тело уменьшается и исчезает.

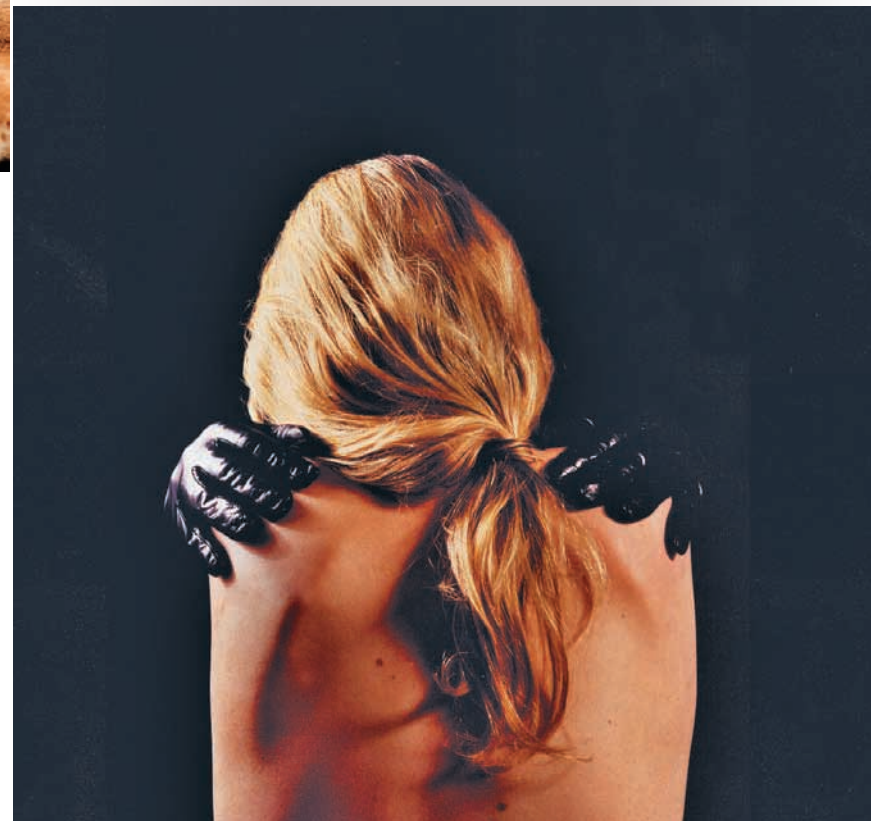
☺ В своих работах вы увлечены отношениями не только с родителями, близкими, но и с собственным телом...

АО: Да, у меня есть видео, где я стою в темноте, на мне черные контактные линзы, которые закрывают весь глаз...

☺ Тяжело было носить такие линзы?

АО: Ужасно! Для того, чтобы их установить, пришлось обратиться к окулисту. Мы устроили фейерверк, и все его огни отражались в моих черных контактных линзах.

Также я сняла видео о *кароши* — внезапной беспричинной смерти молодых людей. Это явление распространено в Японии. Возможно, это реакция на череду стрессов. В видео рано утром я иду по улице одного из городов на юге Швеции. Все закрыто, город мертв. Кажется, что сейчас

произойдет что-то очень странное. У меня в руках разноцветные пакеты, на которых нет никаких логотипов. Вдруг я падаю посреди дороги, и из пакетов выпадают силиконовые муляжи частей человеческого тела — ухо, рука, нога. Мораль: можно заменить все, но не свою жизнь. Это работа также о шопинге — я не могу ни заменить, ни купить новую жизнь.

☺ Вам приходилось рисковать во время работы над видео или фотографией? Все эти арт-эксперименты с телом иногда очень опасны...

АО: Вот пример. Видео было снято в Польше. Я стою раздетая на улице. Январь, страшный холод. Я хотела проверить, сколько смогу простоять, пока не замерзну. Вначале я выгляжу хорошо, но потом из носа начинает течь, глаза и губы синеют, по телу проходит дрожь...

☺ Вы не заболели?

АО: Я попала в больницу.

☺ Женская тема придает вашим работам сходство с тем, что делают финские художницы Элина Бротерус, Эйя-Лииса Ахтила...

АО: Это просто совпадение. Мы начинали в одно время. Мы — одно

поколение, нас интересуют одни и те же проблемы. И неудивительно, что нас приглашают участвовать в одних и тех же выставках.

☺ Вы делали работы, посвященные только отцу? А как же мать?

АО: Я сняла видео, где моя мама вслух читает мне любовные письма, которые я получала от разных мужчин, начиная с 15-летнего возраста. Я стерла их имена. Одно письмо следует за другим. Она читала их в первый раз. Я лежала рядом с ней на кровати обнаженная. Там были и очень сексуальные, и очень злые пассажи. Было интересно наблюдать за ее реакцией. Она не знала заранее, что это за текст. И только во время чтения она начала понимать, что происходит. Это видео длится 52 минуты.

☺ Вы получали так много писем!

АО: Да. Раньше надо было ждать ответа. А сейчас с помощью электронной почты ответ приходит за пару секунд.

☺ Действительно, в прошлом люди вкладывали больше эмоций в написанное на бумаге. Адресату приходилось ждать так долго, и его следовало вознаградить за ожидание.

АО: Да. Еще я сделала свой фотопортрет с мамой. Я стою за ее спиной так, что видны только мои волосы. И сразу трудно понять, что это не один, а два человека. Это фотография из серии «I Put My Foot Deep In The Tracks That You Made».

☺ Чем отличается реакция на ваши работы в Швеции и Америке?

АО: В Швеции люди привыкли к теме эмоций и личных отношений. Для Америки мои работы более необычны.

☺ Почему вы занялись искусством?

АО: Одна из причин, по которой я стала художницей, — не люблю повторяться. Это смертельно скучно. У меня одна работа словно приоткрывает дверь в другую.

☺ Как бы вы определили свой стиль?

АО: Я работаю очень медленно. Я сверхкритична и никогда на 100% не удовлетворена полученным результатом. Иногда люди спрашивают: «У тебя есть работы, которые ты не показываешь. Почему?» Но я чувствую, что пока не время их показывать (может быть, это глупо, но я так устроена). Они должны стать частью моей сущности.

☺ Расскажите о своей первой фотографии.

АО: Мои работы очень личные, они касаются моей жизни, жизни моих родителей и друзей. Первую фотографию я сделала в 1996 году. Это семейный групповой портрет, на котором я в костюме белого медведя сижу в центре, а сзади стоят мои родственники — мама и папа, бабушка и дедушка. Идея пришла мне в голову внезапно, в один теплый летний день. Я взяла напрокат костюм медведя, попросила всех выйти в сад и сделала фотографию. Сама не могла понять, зачем. Но у меня было такое чувство, что я должна это сделать. А через две недели мои родители развелись и перестали общаться друг с другом. Так что это наш последний семейный снимок. А затем, в 1997 году, я продолжила тему в серии фотографий с отцом, где мы очень близко подходим друг к другу. Обычно такие отношения между отцом и взрослой дочерью недопустимы. Меня иногда спрашивают, как мы можем убедиться, что в кадре ваш отец. Никак. Вы должны доверять мне. Я бы не сидела так зажато, если бы это был кто-то другой. Мне было бы все равно.

☺ А как вы убедили отца принять участие в этом проекте?

АО: Он любит позировать. Но сейчас это было бы не так просто, как раньше. Совсем недавно я сделала с ним другую серию: он стоит на коленях рядом со мной и кажется маленьким. Эта работа о том, что происходит с детьми и родителями — с возрастом они меняются ролями.

☺ Вы также занимаетесь видео. Делаете что-нибудь сейчас?

АО: Новое видео называется «Evil Eye». Я сделала его в Нью-Йорке. На моих веках нарисованы глаза, удивительно похожие на настоящие. Вначале мои глаза закрыты, но зритель не догадывается, что они закрыты, потому что видит нарисованные. Потом открываю глаза. Только тогда зритель начинает понимать, что раньше они были закрыты. За кадром я читаю истории из *New York Times* — о людях, которые пропали без вести, были убиты... Я собрала около ста историй и поменяла в них местоимения «он», «она» — на «я». «Я была найдена в канаве»... Это как мантра. После того как я прочитала текст, мы порезали звукоряд, не осталось вздохов между словами — только чтение, чтение, чтение... Одна история следует за другой на фоне музыки Баха. В другом видео с меня сняли слепок из силикона. Этот муляж наполнили подкрашенной чернилами водой и заморозили. Я запечатлела, как тело растаяло, превратилось в ничто. Называется работа «Say Hello And Then Good Bye». Кусок льда таял 24 часа, но сама работа, конечно, короче. Вначале зритель видит бело-серое тело из холо-